

МАША
ТРАУБ

Читайте книги Маши Трауб

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
ВСЯ LA VIE
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
ЛАСТОЧ...КА
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
НЕ ВСЯ LA VIE
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА
ДОМИК НА ЮГЕ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ
СОНЯ И АЛЕКСАНДРА
ПЛЮС ОДИН СТУЛ
ЧУЖОЙ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ
НАША ДЕВОЧКА
ПЛОХАЯ МАТЬ
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
ВТОРОЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС
ЛИШНИЕ ДЕТИ
БЕДАБЕДА
ИЛИ Я СЕЙЧАС УМРУ ОТ СЧАСТЬЯ
ЛЮБОВЬ СО СТРАННОСТЯМИ И БЕЗ
ВСЕГДА КТО-ТО ПЛАТИТ
МОЯ БАБУШКА – ЛЕРМОНТОВ
ПОЛНОЕ ОЗОМЛЕНИЕ
НА ГРАНИ РАЗВОДА
ПЛОХАЯ ДОЧЬ
УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА СВАДЬБА

МАША ТРАУБ

Тетя Ася, дядя Вахо
и одна свадьба

Москва
2021

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т 65

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Иллюстрация на переплете
Ирины Ветровой

Трауб, Маша.

Т 65 Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба / Маша Трауб. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-119356-0

Здесь кофе бывает трех видов — сладкий, средний и несладкий. Здесь жених не догадывается, что приехал на собственную свадьбу. Здесь нельзя предсказывать погоду и строить планы даже на ближайшие пять минут. И здесь есть всё, кроме чужих людей и одиночества. Этот роман — о дружбе и верности, терпении и прощении, радости и горе, о времени и судьбе.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119356-0

© Трауб М., 2021
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2021

— **Ц**ель поездки? — спросил пограничник.

— Туризм, — ответила Нина.

Пограничник если и удивился, то виду не показал. Шлепнул отметку и пожелал ей счастливого пути.

Нина ехала домой, в город, где родилась и выросла. Город, в котором не была с тех пор, как похоронила маму. Давно, очень давно, но кажется, только вчера уезжала «насовсем» во второй раз, обещая себе, что больше никогда не вернется. Все. Мамы больше нет. Пуповина оборвалась, и связи никакой нет. Не к кому ехать.

Она хорошо помнила, как уезжала в первый раз, сразу после школы, — в Москву поступать в университет. Мама плакала, соседки плакали, весь двор вышел ее провожать. Нина злилась и хотела побыстрее отлепиться и от матери, и от соседок, которые передавали ее с груди на грудь, прижимали, поливали слезами и разве что волосы на себе не рвали в знак скор-

Маша Трауб

би. Скорее уехать в другой город, в другую жизнь. Как же здесь все надоело! Каждый день — такой же, как предыдущий. Ничего не меняется. Опять соседки, опять вопросы, ни встать ни сесть без их ведома. Нине хотелось свободы и взрослой самостоятельной жизни.

— Нина-а-а! Подумай! Заклинаю тебя! Что ты делаешь? Что ты делаешь? Смотри, тетя Ася плачет! Зачем ты делаешь так, что тетя Ася плачет! — причитала мама. И тут же без перехода, на том же вдохе: — А ты билет не забыла-а-а? Надо было картонкой чемодан обмотать, как говорил дядя Рафик! Почему его не послушала-а-ась? Дядя Рафик плохо-го не скаже-е-ет!

Мама тянула гласные. Как будто пела песню. Соседки подвывали на последних слогах, складывая многоголосье. Ровное, мелодичное, чистое. У Нины разболелась голова от этого «а-а-а-а», «э-э-э-э», «о-о-о-о». Как они так могут — плачут, как будто поют?

Здесь же стояла и тетя Лиана — ее первая и последняя учительница музыки. Нину привели к ней в семь лет, в большой, красивый дом в центре города. Нужно было покрутить звонок, который отзывался мелодичным звоном, и сильно толкнуть дверь. Нине понравилось крутить звонок, но дверь была такой тя-

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

желой, что ее пришлось толкать попой. Мама перекрестила Нину и побежала в магазин.

— Я тебя заберу. Куплю тебе конфет, — пообещала мама.

Когда мама вернулась с конфетами и пирожными для тети Лианы, Нина очень обрадовалась, но не конфетам. Она очень боялась учительницу, потому что у той рос ус — длинный черный волос, закручивающийся на конце, торчащий из огромной, размером с навозную муху, родинки на щеке. Нина никак не могла сосредоточиться и все время смотрела на волосатую родинку тети Лианы. Наконец мама ее заберет отсюда!

— Ну что? — кинулась к учительнице мама Нины.

— Пойдем, Томочка, на балкон, я тебе кофе сварю.

— Что? — тут же испугалась та.

— Ничего. Совсем ничего, — объявила тетя Лиана. — Она глухая, не слышит. И ты знаешь, что странно? Она меня не понимает! Я ей говорю — сиди красиво, руку держи так, а она не понимает! Я забыла, ты средний кофе пьешь?

— Как глухая? — испугалась Тома. — Может, серная пробка? Может, ее Вахтангу показать? Сейчас я ему позвоню. Дай мне телефон.

— А-а-а! При чем тут Вахтанг? Он реаниматолог, а не ухо-горло-нос! Зачем ее реанимировать? При чем тут серная пробка? Глупости ты говоришь со-

Маша Трауб

всем! Я тебе объясняю, слуха у нее нет! Ни до не слышит, ни ля!

— Как — нет слуха? Не может быть! — ахнула Тома. У нее самой был такой прекрасный голос, что, когда она пела, даже соседки замолкали. И на торжествах ее обязательно просили спеть. Ну а когда она пела дуэтом с Вахтангом, тут «даже лягушки прекращали квакать», как всегда замечала тетя Лиана. Никто так не пел, как они.

— Вот и я тебя спрашиваю, почему у нее нет слуха? Может, ты ее роняла в детстве? — обеспокоенно покачала головой тетя Лиана.

— Куда я ее роняла? — закричала Тома. — Я ей в попу дула, а то ты не знаешь! Как ты могла такое подумать?

— Тогда не знаю. Значит, в мужа твоего. Или в его родственников. Больше не в кого. У него слух был?

— Не знаю, — заплакала Тома.

— Значит, не было. Если бы был, ты бы знала, — отрезала тетя Лиана.

— Лианочка, но что же делать? Как девочка будет жить? — продолжала плакать Тома. — Позанимайся с ней, ты же волшебница!

— Да, я волшебница, — согласилась тетя Лиана и посмотрела на себя в большое мутное зеркало в тяжелой оправе. — Я многое могу. Я даже дочку Та-

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

риэла учу. А ты ведь знаешь Тариэла: одна ошибка — и все, нет тети Лианы. Никто с его Натэлой заниматься не хотел. А я ничего не боюсь!

— Натэла с Ниночкой в одном классе будут учиться, — забеспокоилась Тома. — И ты хочешь сказать, что у дочки Тариэла есть слух, а у моей Ниночки нет? И вдруг они будут сидеть за одной партой и дочка Тариэла скажет моей Нине, что занимается музыкой с тетей Лианой, а что моя Нина ей ответит? Представляешь, какой удар для девочки! А для меня? Все будут говорить, что у дочки Тома нет слуха! Как я это переживу? — Она сделала большие глаза, а ее брови так уползли вверх, что Лиана сдалась.

— Хорошо. Я с ней позанимаюсь. Но только ради тебя. Ты же знаешь, как я тебя люблю.

— Знаю, Лиана, спасибо.

— Кстати, только между нами: у Натэлы слух еще хуже, чем у твоей Нины, — шепнула тетя Лиана. — Слон на ухо наступил!

— Медведь, Лиана, — поправила ее Тома.

— Нет, слон! Медведь — это у твоей Нины!

Так Нина была обречена на занятия музыкой и созерцание родинки учительницы. У тети Лианы был балкон, увитый виноградом, где стояли столик и стулья. Там тетя Лиана пила кофе, там сидели родитель-

Маша Трауб

ницы, пока в комнате девочки разучивали «Жили у бабуся», там же тетя Лиана поджидала опаздывавших на занятие учеников.

Нина с мамой подходили к дому, и девочка слышала, как Натэла, дочка Тариэла, долбила одним пальцем по клавишам.

— Мама, а тетя Лиана так уважает дядю Тариэла, что боится? — спросила Нина маму.

— Нет, его никто не уважает, но все боятся, — ответила Тома.

— А так разве бывает?

— И не такое бывает.

Нина крутила пимпочку звонка — это ей быстро надоело, и звонок из волшебного превратился в самый обычный, — толкала попой дверь и входила внутрь, сжимаясь и втягивая голову в плечи. В такой позе она сидела весь урок, несмотря на просьбы тети Лианы «сидеть красиво».

— Тома, почему она так сидит? — спрашивала тетя Лиана.

— Не знаю, — сокрушалась та. — Говорит, что у нее спина болит. Может, показать ее Вахтангу?

— Слушай, при чем тут твой Вахо? Я бы ее быстро выпрямила. — Тетя Лиана изобразила удар по спине. — Но ты же знаешь мои принципы! Я их пальцем не трогаю!

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

Нинина мама покивала, хотя и знала, что такой принципиальной Лиана стала недавно, с тех пор как стала заниматься с Натэлочкой. За «красивую спиночку» Тариэл мог выслать тетю Лиану из города в двадцать четыре часа. И ради спокойствия Тариэла, точнее тети Лианы, все соседи в один голос твердили, что Лиана учеников так любит, так любит, как родная мать не любит!

— Что я могу сделать? Что? — продолжала тетя Лиана, перейдя на шепот. — Если я ударю твою Нину, она скажет Натэлочке, что тетя Лиана ее бьет, и об этом узнает Тариэл...

Нина мучительно учила «Гусей», сидя за пианино, как страус. После урока она шла к соседке — крестной тете Асе, чтобы сделать домашнее задание. Тетя Ася стояла рядом и «проверяла».

— Нина, иди скорее, тетя Ася ждет ноты читать! — кричала ей мама в окно, стоило Нине выскочить во двор, чтобы попрыгать в резиночку.

Нина покорно шла читать ноты. У нее была удивительная форма дислексии — она прекрасно читала ноты на бумаге, но они никак не складывались в голове с клавишами. У нее была хорошая память, и ноты она запоминала быстро. Зато найти их пальцами никак не могла.

Маша Трауб

— Читай! — почти кричала тетя Лиана, и Нина покорно, без запинок, читала ноты.

— Играй! — уже кричала тетя Лиана, и Нина дрожащей рукой тыкала пальцем куда придется.

— Ты смерти моей хочешь? — переходила на злобный шепот тетя Лиана.

Нина поглубже вжимала голову в плечи, сутулилась и подбирала под себя ноги.

После музыки Нина приходила домой и валилась без сил на диван.

— Какая Нина тихая стала! — удивлялись соседи. — Не слышно ее и не видно. Как мышка, да?

Конец мучениям положил дядя Вахо, которому Тома все-таки показала дочь — мол, на спину жалуется.

— Выйди, — велел он Томе, и та покорно вышла на кухню.

— Спина болит? — обратился он к Нине.

— Только когда музыкой занимаюсь. И голова тоже болит. И нога, правая, — добавила, чтобы уж наверняка, Нина.

— Понятно, — кивнул дядя Вахо, прощупывая Нине позвонки. — А как сильно болит?

— Очень сильно, — сказала Нина и стала внимательно разглядывать узор на босоножках.

— Совсем не хочешь музыкой заниматься? — ласково спросил ее дядя Вахо.

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

— Совсем. Так совсем не хочу, что... что... я боюсь тетю Лиану. У нее бородавка усатая... только маме не говорите.

Вахо улыбнулся и вышел к Томе на кухню.

— Ну что с ней? — обеспокоенно спросила та.

— Ничего. Все нормально. Немножко сколиоз, — ответил Вахтанг.

— О господи, а что делать?

— Пусть танцами занимается! Сколиоза точно не будет!

— Хорошо, Вахо, как скажешь, — кивнула Тома и тут же позвонила тете Лиане сказать, что у Нины сколиоз и музыкой она заниматься больше не будет.

Тетя Лиана так радовалась, что, когда Тома с Ниной пришли отдавать ноты, накормила их пахлавой, расцеловала и отпустила с богом. Себе она сварила кофе и долго смотрела в гущу, разглядывая тайные знаки — что ей готовит будущее. Будущее обещало новых учеников.

* * *

Нина с Натэлой учились вместе с первого по десятый класс в школе номер шесть, которая считалась лучшей в городе. Девочки друг друга ненавидели, но терпели, поскольку все десять лет просидели

Маша Трауб

за одной партой. И даже если одна пересаживалась, то все равно возвращалась на привычное место, выстроив однажды отношения и диспозицию за партой и будучи не в силах делать это еще раз с кем-то другим. Все вокруг считали их лучшими подружками. Конечно, они были маленькими и многого не понимали. А если и догадывались о чем-то, то старались помалкивать.

Они, например, при такой тесной связи не ходили друг к другу в гости, что для их города — событие из ряда вон выходящее. Нинина мама, Тамара, терпеть не могла Мэри, мать Натэлы. Точнее, они старательно делали вид, что друг с другом плохо знакомы. Это девочки поняли быстро и никогда не говорили про дом. Если и общались, то только по поводу уроков. Хотя они вообще мало разговаривали — им это было и не нужно. Каждая умела читать настроенные соседки по знакам, невидимым остальным. Если Натэла начинала выкладывать аккуратной лесенкой ручки и карандаши, добиваясь идеальной симметрии, значит, вчера мама опять на нее кричала, а то и отлупила. Если Нина пришла без учебника, значит, опять не спала всю ночь — рисовала в альбоме. И Натэла молча клала учебник на середину парты. Нину все любили, потому что любили ее маму — Тамару, а Натэлу — жалели из-за Мэри и Тариэла.

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

Натэла никогда не рассказывала Нине про родителей. Тома тоже не отвечала на вопросы дочери, когда та спрашивала про дядю Тариэла или тетю Мэри. Но из обрывков разговоров и сплетен соседок Нина смогла составить историю. Они с Натэлой учились уже в старших классах, и Нина по-другому посмотрела на свою подругу. Как будто вдруг увидела в ней свою одногодку, живого человека, с чувствами, мыслями, планами и желаниями.

Мэри, армянку по происхождению, Тариэл нашел в Ленинакане и заставил выйти за него замуж. Поговаривали, что силой. Тариэл в то время только-только поступил на работу в КГБ, но рассказывал о себе чуть ли не легенды. Ему повсюду мерещились шпионы. Он даже не мог просто пройти по улице — оглядывался, искал слежку. Что из того, что он рассказывал, было правдой, а что — его больной фантазией, не знал никто. Проверить ведь было невозможно. Тариэл придумывал себе то ранение в голову в ходе спецоперации, то работу «под прикрытием». Это были первые признаки болезни, которая проявилась у него с годами, но кто тогда мог подумать, что это болезнь? В Ленинакане, куда его занесло случайно — нужно было просто передать документы, — он ходил, придерживая отворот пиджака, как будто под ним было оружие. Строил из себя барина, высо-